

известно, что они исполнены в монастыре, сделаны для монастыря или церкви, выполнены по заказу игумена или по повелению архиепископа. Так, например, одно из новгородских евангелий с тератологическим орнаментом, написанное в 1323 г., имеет запись: «Писал раб божий Иродион игумену Моисею в Колмов монастырь». Два других, новгородских же евангелия, в том числе евангелие 1355 г., о котором шла речь, сделаны по приказанию архиепископа Моисея и, по-видимому, его писцами. Преемник Моисея, архиепископ Алексей, также имел своих писцов, один из которых выполнил в 1362 г., «повелением боголюбивого архиепископа», евангелие с прекрасными заставками и инициалами тератологического стиля.

Рисунки, украшающие рукописи XIII—XIV вв., в ряду с другими, сходными и не единичными фактами истории древнерусского искусства, важны, в частности, тем, что ведут исследователя в еще мало известную область изобразительных мотивов современного им бытового искусства, с которыми они теснейшим образом связаны. В самом деле, на широких серебряных браслетах XII в., т. е. по времени более древних, чем рисунки рукописных книг, можно увидеть не только тератологический орнамент, но и жанровые сцены, по сюжету и стилю подобные книжным инициалам. Область древнерусского искусства, связанная с бытом, не так давно была представлена сравнительно немногочисленными предметами, сохранившимися преимущественно вкладах, выполненными в дорогом материале и имевшими распространение в узкой среде богатого населения, а также украшениями женской одежды, обнаруженными в сельских могильниках. По таким немногим и ограниченным в своем составе предметам трудно было понять роль искусства в обыденной жизни людей древней Руси, и легко складывалось впечатление, что все силы ее художественного творчества были направлены в сферу религиозной жизни. Но археологические раскопки в древних русских городах, произведенные в последние десятилетия, особенно раскопки А. В. Арциховского в Новгороде, обнаружили множество бытовых вещей, художественно оформленных, украшенных орнаментом и изображениями. Эти многочисленные находки показали, какое большое место занимало бытовое искусство в жизни людей различных общественных слоев древней Руси. Можно сказать, что историку искусства раскопки открыли новую область художественного творчества русского средневековья, которой надо отвести немаловажную роль в развитии художественной культуры и которую необходимо учесть в суждениях о древнерусском искусстве.

Как уже говорилось, жанровые рисунки книжных инициалов создались под влиянием изобразительных мотивов бытового искусства и остались очень близкими к нему стилистически. Притом вот что интересно и важно. Эти рисунки, как и изображения, украшавшие серебряные браслеты, могли быть выполнены живее и непосредственнее, чем величественные и торжественные композиции или фигуры храмовой росписи, либо иконы. Вместе с тем они не менее условны, чем последние. Напротив, жанровые сценки инициалов: рыбаки, тянущие невод, охотники, играющие и пляшущие гусяры-скоморохи, выполнены гораздо более условно. Вспомним еще рисунок отдыхающего работника, «делателя», на полях псковского Устава XIII в. — простое изображение простой, реальной жизни. В таких, выхваченных из жизни, исполненных с непосредственностью и юмором, как бы сымпровизированных рисунках никто, наверное, не обнаружит ни мистики, ни символики, ни абстракции. И тем не менее это — одни из наиболее условных изображений в древнерусском искусстве, еще более условные, чем традиционные композиции на библейские темы, написанные на церковных стенах или иконах. Заметим далее, что также условными являются и